

КОБО
АБЭ

Чужое лицо

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Кобо Абэ

Чужое лицо

«Азбука-Аттикус»

1964

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Чужое лицо / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус», 1964 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-13645-8

Кобо Абэ – знаменитый японский прозаик и драматург. Масштаб его таланта огромен, его книги загадочны, увлекательны и парадоксальны. Эти своеобразные романы-притчи повествуют о людях, находящихся под властью навязчивой идеи или оказавшихся в ситуации, похожей на фантастический сон. Герой романа «Чужое лицо» вследствие несчастного случая вынужден создать себе новое лицо-маску, отгородившись с его помощью от контактов с внешним миром. Однако, изменив свое лицо, он ощущает, как изменяется его личность. Маска не только окутывает надевшего ее человека некой тайной, но и провоцирует новые, подчас весьма странные желания...

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-13645-8

© Кобо Абэ, 1964
© Азбука-Аттикус, 1964

Содержание

Черная тетрадь	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кобо Абэ

Чужое лицо

Kobo Abe

THE FACE OF ANOTHER

Copyright© 1964 by Kobo Abe

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Потрясающая книга... В мирах, созданных Кобо Абэ, философские размышления неизменно обладают яркой эмоциональной окраской и неодолимым очарованием.

Newsweek

Начиная с выхода романа «Женщина в песках» Кобо Абэ приобрел славу одного из лучших романистов в мире. Следующая книга – «Чужое лицо» – окончательно укрепила успех писателя.

The Christian Science Monitor

* * *

Ты все же пришла, преодолев запутанный лабиринт, доверившись полученному от **него** плану, ты наконец пришла в это убежище. Несмело ступая, ты поднялась по лестнице, поскрипывающей, как педали органа; и вот комната. Затаив дыхание, постучала – ответа почему-то не последовало. Вместо ответа вприпрыжку, как котенок, подбежала девочка и открыла тебе дверь. Ты окликаешь ее, пытаешься узнать, не передавал ли **он** тебе что-нибудь, но девочка, ничего не ответив, только улыбнулась и убежала.

Тебе был нужен **он**, и ты заглянула в дверь. Но не увидела **его**, не увидела ничего, что напоминало бы о **нем**, – мертвая комната, в которой витает дух запустения. Вид тусклой стены заставил тебя вздрогнуть. Ты собралась было уйти, хотя чувствовала себя виноватой, но вдруг тебе попались на глаза три тетради, лежавшие на столе, и рядом – письмо. Тут ты сообразила, что все-таки попала в ловушку. Какие бы горькие мысли ни овладели тобой в эту минуту, все равно – соблазн непреодолим. Дрожащими руками разрываешь конверт и начинаешь читать письмо...

Ты почувствовала, наверно, злость, почувствовала, наверно, обиду. Но я выдержу твой взгляд, упругий, как сдавленная пружина: я во что бы то ни стало хочу, чтобы ты продолжала читать. У меня нет никакой надежды, что ты благополучно преодолеешь эти минуты и сделаешь шаг в мою сторону. Я уничтожен **им** или **он** уничтожен мной? – так или иначе, занавес в трагедии масок опустился. Я убил **его**, признал себя преступником и хочу сознаться во всем до конца. Из великодушия или нет, но я хочу, чтобы ты продолжала читать. Тот, кто обладает правом казнить, обязан выслушать показания обвиняемого. И так просто отвернуться от меня, стоящего перед тобой на коленях, – не заподозрят ли тебя в том, что ты соучастница преступления? Ну ладно, садись, чувствуй себя как дома. Если в комнате душно, сразу же открой окно. Чайник и чашки, если понадобятся, на кухне. Как только ты спокойно усядешься, это

убежище, запрятанное в конце лабиринта, превратится в зал суда. И, пока ты просматриваешь показания, я, чтобы сделать конец трагедии масок еще более достоверным, буду ждать сколько угодно, латая прорехи в занавесе. Да и одни воспоминания о **нем** не дадут мне скучать.

* * *

Итак, возвратимся к тому, что произошло со мной совсем недавно, утром, за три дня до того момента, который для тебя «сейчас». В ту ночь ветер, смешанный с дождем, в котором будто растворили мед, с жалобным стоном сотрясал окно. Весь день я обливался потом, а когда зашло солнце, захотелось погреться у огня. Газеты писали, что еще вернутся холода, но, как бы то ни было, дни стали длиннее, и едва кончится этот дождь, сразу почувствуешь, что наступило лето. Стоило подумать об этом, и сердце начинало тревожно биться. В нынешнем моем положении я похож на фигурку из воска, беззащитную перед жарой. При одной лишь мысли об ослепительном солнце вся моя кожа покрывалась волдырями.

Тогда я решил любым способом покончить со всем, пока не наступило лето. По долгосрочному прогнозу, в течение трех-четырех дней с материка распространится высокое атмосферное давление и возникнут метеорологические явления, характерные для лета. Мое единственное желание – в течение трех дней закончить приготовления для твоей встречи и сделать так, чтобы ты начала читать это письмо. Но нельзя сказать, что три дня – срок достаточный. Как ты сама понимаешь, показания, о которых я упоминал, – это три исписанные убористым почерком тетради, которые охватывают события целого года. В день я должен обработать по тетради, добавлять, вычеркивать, переделывать и оставить тебе текст в таком виде, который бы удовлетворил меня, – труд поистине огромный. Я настроился на работу и, купив на ужин пирожки с мясом, обильно сдобренным чесноком, вернулся сегодня домой часа на два раньше обычного.

Ну и какой же результат?.. Отвратительный... Я вновь ощутил, к чему может привести убийственный недостаток времени. Пробежал написанное и почувствовал омерзение к себе – записки выглядят почти как попытка оправдаться. Но такое неизбежно в эту залитую дождем, будто созданную для гибели ночь, когда промозглая сырость тревожит душу. Не стану отрицать – финал выглядит достаточно жалким, но я тешу себя надеждой, что всегда полностью отдавал себе отчет в происходящем. Без этой уверенности я вряд ли мог бы писать с такой неутолимой жадностью, независимо от того, послужат мои записки подтверждением алиби или, наоборот, вещественным доказательством виновности. Я до сих пор твердо убежден в одном, и не потому, что нелегко признать свое поражение: лабиринт, в который я сам себя загнал, был неизбежен, как Страшный суд. Но вопреки ожиданиям мои записки просят пощады жалобным голосом, похожим на голос приبلудной кошки, запертой в комнате. Не знаю, удастся ли мне, забыв, что я располагаю всего тремя днями, обработать записки настолько, чтобы они меня удовлетворили.

Ну, хватит. Настал момент, когда я твердо решил рассказать обо всем откровенно, – ощущение, точно в горле застрял непрожеванный кусок жилистого мяса, стало для меня невыносимым. Если те страницы, которые вопиют, покажутся тебе никчемными и ты их только пролистаешь – ну что ж. Ты, например, не переносишь визг электрической дрели, шуршание тараканов, скрежет гвоздя по стеклу. Но вряд ли можно сказать, что это самое важное в жизни. Почему визг электрической дрели – понять можно: он, видимо, ассоциируется с бормашиной. Два же других звука вызывают – не назовешь иначе – какую-то нервную сыпь. Но мне еще не приходилось слышать, чтобы сыпь была опасна для жизни.

Однако всему есть мера, пора, пожалуй, кончать. Сколько ни нагромождай оправданий, – они ни к чему. Куда важнее, чтобы ты не бросила на полдороге это письмо – мое время кончается, оно накладывается на твое настоящее, – а потом перешла к чтению записок... Я буду

неотступно следовать за течением твоего времени, читай их не отрываясь до последней страницы...

Сейчас ты уже, наверное, успокоилась? Чай в низкой зеленой банке. Кипяток – в термосе.

Черная тетрадь

Прежде всего – последовательность тетрадей по цвету обложек: черная, белая, серая. Между цветом и содержанием нет, конечно, никакой связи. Я выбрал их наугад, просто чтобы легче было различать.

* * *

Начну, пожалуй, с рассказа об убежище. Да, собственно, какая разница, с чего начать. Легче всего начать рассказ с того самого дня. Это было примерно полмесяца назад, когда я сказал тебе, что должен поехать на неделю в командировку. Моя первая большая поездка с тех пор, как я вышел из больницы. Я думаю, ты тоже запомнила этот день. Я придумал и цель командировки – проверка хода работ по сооружению завода полиграфической краски в Осаке. Первое, что пришло мне в голову. На самом же деле с того дня я укрылся в доме S. и стал готовиться к осуществлению своего плана.

В тот день я писал в своем дневнике:

«26 мая. Дождь. По газетному объявлению посетил дом. Увидев мое лицо, девочка, игравшая во дворе, заплакала. Решил остановить выбор на этом доме – место прекрасное, расположение квартиры почти идеальное. Бодрит запах нового дерева и краски. Соседняя квартира как будто еще не занята. Хорошо бы и ее снять, но...»

Но я не собирался скрываться в доме S. под чужим именем, не собирался выдавать себя за другого. Это, может быть, покажется неразумным, но у меня был свой расчет. Мое лицо сейчас уж никак ни годилось для мелких плутней. Действительно, игравшая у подъезда девочка, по виду уже школьница, едва увидев меня, расплакалась, как будто вспомнила страшный сон. Правда, управляющий, стараясь как можно лучше обслужить клиента, был невероятно приветлив...

Нет, приветлив был не только управляющий. Как это ни печально, почти все люди, встречавшиеся со мной, были приветливы. И поскольку их не тянуло слишком глубоко вникать в мои дела, каждый делал хорошую мину. И это понятно. Они не решались взглянуть мне прямо в лицо, так что им приходилось быть приветливыми. Потому-то я и имел возможность избегать бессмысленных расспросов. Окруженный непреодолимой стеной приветливости, я всегда был совершенно одинок.

Дом только что построили, так что примерно половина из его восемнадцати квартир еще не была занята. Управляющий, сделав понимающее лицо, без всякой моей просьбы услужливо выбрал самую дальнюю квартиру на втором этаже, рядом с черной лестницей. Во всяком случае, внешне он был чрезвычайно услужлив. Квартира мне понравилась, хотя бы потому, что ее выбрали для меня специально. Разумеется, там была и ванная, а в комнате стояли, хотя и не особо изысканные, стол и два стула, да к тому же она в отличие от других квартир имела эркер, очень большой – почти как застекленная терраса. Черная лестница вела к стоянке для пяти-шести машин, а оттуда можно было выйти на другую улицу. Это, конечно, очень удобно и еще больше повышало ценность квартиры. Я должен был с самого начала все предусмотреть и потому сразу же заплатил за три месяца вперед. Потом я попросил купить мне в ближайшем магазине постельные принадлежности. Управляющий, изображая безмерную радость, болтал без умолку, рассказывал, как хорошо устроена вентиляция и какая квартира солнечная. А покончив с этой темой, готов был перейти к рассказу уже о своей жизни. Но к счастью, когда он отдавал мне ключ от квартиры, тот выскользнул из его пальцев и со звоном покатился по

полу. Управляющий в замешательстве ретировался. Я вздохнул с облегчением... Как было бы хорошо, если бы с людей всегда вот так легко можно было содрать налет лжи.

* * *

Стемнело, я уже не мог разглядеть пальцы на руке, даже поднеся к самому лицу. Комната, которая не знала еще человеческого тепла, была безжизненно холодной и неприветливой. Но она казалась мне лучше, чем приветливые люди. К тому же, с тех пор как случилось это несчастье, я больше всего полюбил темноту. Правда, как было бы хорошо, если б все люди на земле вдруг лишились глаз или забыли о существовании света. Наконец удалось бы достигнуть единодушия относительно формы. Все согласились бы, что хлеб – это хлеб, независимо от того, треугольный он или круглый... Да вот, например, как было бы хорошо, если б та маленькая девочка, еще не видя меня, зажмурилась и услышала только мой голос. Тогда, может быть, мы привыкли бы друг к другу, стали друзьями, – вместе ходили в парк, ели мороженое... И только потому, что всюду лез этот назойливый свет, девочка ошиблась, приняв треугольный хлеб не за хлеб, а за треугольник. То, что называют светом, само по себе прозрачно, но все предметы, попадая в его лучи, становятся непрозрачными.

Однако свет все же существует, и тьма – это лишь строго ограниченная временем отсрочка исполнения приговора. Когда я открыл окно, в комнату, как клуб черного пара, ворвался пропитанный дождем ветер. Захлебнувшись им, я закашлялся, снял темные очки и вытер слезы. Электрические провода, верхушки столбов, карнизы домов, выстроившихся в ряд вдоль широкой улицы, слабо поблескивали, когда фары пронесившихся мимо автомобилей скользили по ним белыми столбами света, точно мелом по черной доске.

В коридоре послышались шаги. Привычным движением я снова надел очки. Из магазина принесли постельные принадлежности, которые я заказал через управляющего. Деньги я подсунул под дверь и попросил оставить покупки в коридоре.

Итак, приготовления к старту как будто закончены. Я разделся и открыл платяной шкаф. В створку с внутренней стороны было вделано зеркало. Я снова снял очки, сбросил повязку и, пристально вглядываясь в зеркало, начал разбинтовывать лицо. Намотанные в три слоя бинты насквозь пропитались потом и стали вдвое тяжелее, чем утром, когда я их наматывал.

Как только я освободил лицо от бинтов, на него выползли полчища пиявок – багровые, переплетающиеся келоидные рубцы... Что за отвратительное зрелище!.. Но это повторяется каждый день, как урок, – пора бы привыкнуть.

Меня еще больше разозлил мой, казалось бы, беспричинный испуг. Если вдуматься – не имеющая никаких оснований, неразумная чувствительность. Стоит ли поднимать такой шум из-за какой-то оболочки человека, да еще из-за ее небольшой части – кожи лица? Честно говоря, подобный предрассудок, устоявшийся взгляд ничуть не удивителен. Например, вера в колдовство... расовые предрассудки... безотчетный страх перед змеями (или тот же болезненный страх перед тараканами, о котором я уже писал)... Вот потому-то не прыщавый желторотый юнец, живущий иллюзиями, но даже я, заведующий важной лабораторией в солидном институте и накрепко, чуть ли не корабельным канатом привязанный к обществу, страдал от охватившей меня душевной аллергии. Прекрасно сознавая, что для особой ненависти к этому обиталищу пиявок нет никаких оснований, я ничего не мог поделать с собой и испытывал к нему непреодолимое отвращение.

Я, разумеется, предпринимал бесчисленные попытки преодолеть себя. Чем пройти мимо, отвернувшись, гораздо лучше посмотреть правде в глаза и привыкнуть к своему положению раз и навсегда. Если сам перестанешь обращать внимание, другие поступят так же. Несомненно. Исходя из этого, я и в институте стал часто говорить о своем лице. Я, например, с наигранной веселостью сравнивал себя с чудовищем в маске, которое показывают в телевизионных мульт-

фильмах. Говорил с той же наигранной веселостью, как удобно видеть и не быть видимым, когда можешь подсматривать за другими, для которых выражение твоего лица скрыто. Самый быстрый способ привыкнуть самому – приучать других.

Такой результат был, пожалуй, достигнут. Очень скоро в лаборатории я уже не чувствовал прежней напряженности. Дошло до того, что чудовище в маске тоже перестало быть пугалом, и в бесконечном его появлении на экранах телевизоров и в комиксах мои товарищи стали даже усматривать определенный резон. Действительно, маска, если, конечно, под ней не гнездятся пиявки, безусловно, имеет свои удобства. Если облачение тела в одежды знаменует прогресс цивилизации, то вряд ли можно быть гарантированным от того, что в будущем маска не станет самой обыденной вещью. Даже теперь маски часто используются в важнейших обрядах, на празднествах, и я затрудняюсь дать этому факту исчерпывающее объяснение, но мне представляется, что маска, видимо, делает взаимоотношения между людьми значительно более универсальными, менее индивидуальными, чем когда лицо открыто...

Временами я начинал верить, что хоть и медленно, но все же пошел на поправку. Однако я еще по-настоящему не представлял себе, сколь ужасно мое лицо. А все это время под бинтами продолжалось непрерывное наступление пиявок. Обмораживание жидким воздухом не поражает так глубоко, как ожог, и, следовательно, заживление должно идти сравнительно быстро. Однако вопреки уверениям врачей, сокрушив все возможные оборонительные рубежи – прием терапина, инъекции кортизона, радиотерапия, – орды пиявок, бросая в бой все новые и новые силы, расширяли и без того обширный плацдарм на моем лице.

Однажды, например... Это случилось в обеденный перерыв, в тот день, когда я возвратился после совещания по согласованию работы нашей лаборатории с другими. Молодая лаборантка, только что окончившая институт, подошла ко мне, перелистывая страницы книги, всем своим видом показывая, что хочет мне что-то сказать. «Посмотрите, сэнсэй,¹ какая забавная картинка». В книжке, которую она мне со смехом протянула, под ее тоненьким пальчиком был рисунок Клее «Фальшивое лицо». Лицо, расчерченное параллельными горизонтальными линиями, если присмотреться, казалось обмотанным бинтами. Оставались лишь узкие щелочки для глаз и рта – все это безжалостно подчеркивало отсутствие в лице всякого выражения. Я неожиданно почувствовал себя глубоко уязвленным. У девушки не было, конечно, злого умысла. Я ведь сам сознательно своими разговорами спровоцировал ее на такой поступок. Ничего, успокойся!.. Если раздражаться из-за подобного пустяка, то все мои усилия будут лопаться, как пузырьки на воде... Так я уговаривал себя, но вынести этого не мог – рисунок даже начал казаться мне моим собственным лицом, каким оно представляется девушке... «Фальшивое лицо», каким его видят другие, лишенное возможности открыть себя... Меня мучила мысль, что девушке я кажусь именно таким.

Неожиданно для себя я выхватил у нее книжку и разорвал пополам. Вместе с ней разорвалось и мое сердце. И из него, точно из протухшего яйца, хлынула переполнявшая меня горечь. Я растерянно собрал разорванные страницы и с извинениями вернул их девушке. Но было уже поздно. Раздался звук, который в обычных условиях невозможно услышать: такой свистящий шорох слышен, когда в термостате изгибается металлическая пластинка. Должно быть, испуганная девушка изо всех сил сжала под юбкой колени.

* * *

Возможно, я еще не осознал всего, что скрывалось за моей тогдашней тоской. Буквально физически ощущая муки стыда, я все же не мог точно определить, чего же, собственно, я так стыжусь. Нет, пожалуй, если б захотел, то смог бы, но я инстинктивно избегал смотреть правде

---

¹ Сэнсэй – вежливое обращение к старшему, уважаемому человеку. – Здесь и далее примечания переводчика.

в глаза и спасался в тени избитой, банальной фразы: подобное поведение недостойно взрослого человека. Я всегда был убежден, что в жизни человека лицо не должно занимать такое большое место. Значимость человека в конечном счете нужно измерять содержанием выполняемой им работы, а это связано с уровнем интеллекта, лицо же тут ни при чем. И если из-за того, что человек лишился лица, его общественный вес уменьшается, причиной может быть лишь одно – убогий внутренний мир этого человека.

Однако вскоре... Да, через несколько дней после случая с рисунком... Волей-неволей я стал все яснее сознавать, что удельный вес лица значительно больше, чем я наивно предполагал. Осознание этого факта пришло внезапно. Все мое внимание было поглощено подготовкой к защите от внешнего мира, поэтому я был застигнут врасплох и сражен наповал. Причем случилось это столь резко и неожиданно, что я не сразу осознал свое поражение.

Как-то раз, вернувшись вечером домой, я ощутил непреодолимое желание послушать Баха. И не то чтобы я не мог жить без Баха – просто мне казалось, что моему нервному, переменчивому состоянию лучше всего подходит именно Бах, а не джазовая музыка или Моцарт. Я не такой уж тонкий ценитель музыки – скорее ревностный ее потребитель. Когда работа не клеится, я выбираю музыку, способную победить соответствующее нерабочее настроение. Если мне нужно на какое-то время прервать размышления – зажигательный джаз; если надо напряженно поработать – раздумчивый Барток; если хочется почувствовать себя свободным – струнный квартет Бетховена; если нужно на чем-то сосредоточиться – нарастающий по спирали Моцарт; ну а Бах – прежде всего, когда необходимо обрести душевное равновесие.

Но вдруг меня охватило сомнение – не спутал ли я пластинку. А может, проигрыватель неисправен? Потому что мелодия была ни на что не похожа. Такого Баха я еще никогда не слышал. Бах – бальзам, врачующий душу, но то, что я услышал, не было ни ядом, ни бальзамом, а бесформенным комом глины. Все до единой музыкальные фразы казались мне лишенными смысла, тусклыми, словно вываленные в пыли, приторные леденцы.

Это случилось как раз в тот момент, когда ты с двумя чашками чаю вошла в комнату. Я ничего не сказал, и ты, видимо, подумала, что я погрузился в музыку. Ты тут же тихонько вышла. Значит, это я сошел с ума! И все равно я не мог поверить в это... Неужели изуродованное лицо способно влиять на восприятие музыки?... Сколько я ни вслушивался, умиротворяющий Бах не возвращался, и мне не оставалось ничего другого, как примириться с этой мыслью. Вставляя сигарету в щель между бинтами, я нервно спрашивал себя, не потерял ли я еще чего-то вместе с лицом. Моя философия, касающаяся лица, кажется, нуждалась в коренном пересмотре.

Потом, точно из-под ног вдруг выскользнул пол времени, я погрузился в воспоминания тридцатилетней давности. Случай, о котором я с тех пор ни разу не вспоминал, внезапно предстал передо мной, отчетливый и яркий, точно цветная гравюра. Все вышло из-за парика моей старшей сестры. Трудно объяснить почему, но эти чужие волосы казались мне чем-то невыразимо непристойным, аморальным. Однажды я потихоньку стащил парик и бросил в огонь. Но мать как-то это обнаружила. Ее очень расстроил мой поступок, и она потребовала объяснений. И хотя мне казалось, что я поступил правильно, когда меня стали расспрашивать, я не знал, что ответить, и стоял растерянный, с покрасневшим лицом. Нет, если бы я попытался, то смог бы, конечно, ответить. Но мне казалось, что даже говорить об этом неприлично, брезгливость сковывала язык... Ну и если заменить слово **парик** словом **лицо**, то станет ясно, почему непереносимое внутреннее напряжение так точно совпало с фальшивыми звуками неузнаваемого Баха.

Когда я остановил пластинку и выбежал из кабинета, точно спасаясь от погони, ты вытирала стоявшие на обеденном столе стаканы. То, что произошло дальше, было настолько внезапно, что сейчас я не могу восстановить в памяти, как все это случилось. Столкнувшись с твоим противодействием, я смог наконец полностью осознать, в каком положении оказался.

Правой рукой я сжал твои плечи, левой попытался залезть под юбку. Ты закричала и, напрягшись, как пружина, вскочила. Стул отлетел в сторону, стакан упал на пол и разбился.

Схватившись за упавший стул, мы, тяжело дыша, замерли друг против друга. Мои действия, может быть, и правда были слишком грубыми. Но я находил им и некоторое оправдание. Это была отчаянная попытка одним усилием вернуть то, что я начал терять из-за изуродованного лица. Ведь с тех пор, как это случилось, физической близости между нами не было. Хотя теоретически я признавал, что лицо имеет лишь подчиненное значение, но все же избегал посмотреть на себя со стороны, уходил от этого. Я был загнан в угол, и у меня не оставалось другого выхода, кроме как броситься в лобовую атаку. Видимо, своим поступком я хотел доказать, что барьер, воздвигнутый между нами моим лицом, призречен, что его не существует.

Но и эта попытка окончилась неудачей. В кончиках моих пальцев все еще живо острое ощущение прикосновений к твоему бархатистому лону. В горле у меня, словно пучок колючек, застрял хриплый вопль. Я хотел сказать что-нибудь. Мне хотелось многое сказать... Но я не мог вымолвить ни слова. Оправдание?... Сожаление?... А может быть, обвинение? Если уж говорить – нужно было выбрать что-нибудь из этого, но сделать выбор я, кажется, уже не успевал. Если выбрать оправдание или сожаление, то лучше уж просто улетучиться как дым. Если же выбрать наступление, то я бы разодрал твое лицо, и ты бы стала подобна мне или даже еще страшнее. И тут ты разрыдалась. Это был жалобный, безысходный плач, похожий на утробное урчанье крана, из которого перестала течь вода.

Мне показалось, что на моем лице открылась глубокая рана. Такая огромная, что в ней могло поместиться все мое тело. Откуда-то потекла жидкость, словно гной из лопнувшего флюса, и капли ее застучали по полу. Сопровождающее этот звук зловоние, наполнившее комнату, распространялось отовсюду: из обивки стульев, из шкафа, из водопроводного крана, из выцветшего, засиженного мухами абажура. Нужно было что-то делать – мне захотелось прекратить эту пародию на игру в прятки, в которой не от кого прятаться.

* * *

Отсюда оставался лишь один шаг до моего плана изготовить маску. В том, что такая идея появилась, не было ничего удивительного. Ведь сорняку вполне достаточно клочка земли и капли влаги. Не принимая близко к сердцу, не придавая этому серьезного значения, со следующего дня, как и намечал, я стал просматривать оглавления старых научных журналов. Нужная мне статья об искусственных органах из пластика была опубликована в одном из летних номеров за позапрошлый год. Да, моей целью было сделать пластиковую маску и прикрыть ею дыры на лице. Согласно одной теории, маска служит не простым заменителем, а выразителем метафизического желания заменить свой облик каким-то другим, превосходящим собственный. Собственно, я не думал о маске как о рубашке и брюках, которые можно менять, когда захочется. Не знаю, как поступили бы древние, поклонявшиеся идолам, или юнцы, вступающие в пору половой зрелости, я же не собирался возложить маску на алтарь своей второй жизни. Сколько бы ни было лиц, я неизменно должен был оставаться самим собой. Маленькой «комедией масок» я пытался лишь заполнить затянувшийся антракт в своей жизни.

Мне без особого труда удалось найти нужный журнал. Согласно статье, можно создать части тела, внешне почти не отличающиеся от настоящих. Правда, все это относилось лишь к воспроизведению формы, что же касается подвижности, то здесь оставалось еще много нерешенных проблем. Нужно постараться, чтобы маска, если мне удастся ее создать, обладала мимикой. Мне бы хотелось, чтобы она могла свободно растягиваться и сокращаться в плаче и смехе, следуя за движением мускулов лица, управляющих мимикой. И хотя нынешний уровень высокомолекулярной химии вполне позволяет добиться этого, наши возможности в области технологии несколько отстают. Но сама надежда на подобную возможность оказалась для меня

в то время прекрасным болеутоляющим. Если нет возможности лечить зубы, остается принимать лекарство.

Прежде всего я решил встретиться с К., автором статьи об искусственных органах, и поговорить с ним. К. сам подошел к телефону, но был очень неприветлив и разговаривал со мной без всякого интереса. Может быть, он испытывал предубеждение против меня – человека, тоже занимающегося высокомолекулярными соединениями. Но все же обещал уделить мне часок после четырех.

Поручив дежурному проследить за приборами и просмотрев несколько документов, я быстро ушел. Улица сверкала, точно отполированная, ветер разносил запах маслин. Эта сверкающая улица, этот запах вызвали у меня острое чувство зависти. Пока я ждал такси, мне казалось, что со всех сторон на меня глаза, будто видят перед собой незаконно вторгшегося пришельца. Но я терпел этот слишком яркий солнечный свет: пока все было лишь негативом, в котором черное – белое, а белое – черное; вот если удастся раздобыть маску, я сразу же смогу получить позитив.

Нужный мне дом находился на улице, тесно застроенной жилыми зданиями, недалеко от станции кольцевой железной дороги. Это был обыкновенный, ничем не примечательный дом, на котором висела малозаметная табличка «Научно-исследовательский институт высокомолекулярной химии К.». Во дворе у ворот как попало были расставлены клетки с кроликами.

В тесной приемной стояла лишь обшарпанная деревянная скамья и пепельница на ножках, лежало несколько старых журналов. Я почему-то пожалел, что пришел сюда. Институт – звучало внушительно, но вряд ли это было то место, где следовало выбирать лечащего врача. Может быть, К. – обыкновенный шарлатан, пользующийся доверчивостью своих пациентов. Обернувшись, я увидел на стене две фотографии в потертых рамках. На одной – снятое в профиль лицо женщины без подбородка, напоминающее мордочку полевой мыши. На другой – оно же, чуть улыбающееся, ставшее несколько привлекательнее, видимо, после пластической операции.

Сказывалась длительная бессонница – что-то давило на переносицу, сидеть на твердой скамье было невыносимо. Наконец вошла сестра и проводила меня в соседнюю комнату. В ней разливался белесый свет, проникавший сквозь жалюзи. На столе у окна шприцев не было, зато устрашающе блестели какие-то незнакомые инструменты. Около стола стояли шкаф с историями болезней и вращающееся кресло с подлокотниками, напротив – такое же кресло для пациентов. Несколько поодаль – невысокая ширма и рядом кабинка на колесиках для переодевания. Стандартное оборудование кабинета врача. Оно привело меня в уныние.

Я закурил. И когда, приподнявшись, потянулся к пепельнице, то замер от неожиданности, увидев содержимое эмалированного лотка. Ухо, три пальца, кисть руки, щека от века до губы... Они лежали как попало в лотке, еще дыша жизнью, будто только что отрезанные. Мне стало не по себе. Они казались более настоящими, чем настоящие. Честно говоря, даже и в голову не приходило, что слишком точная копия может производить такое тягостное впечатление. Хотя достаточно было посмотреть на срезы, чтобы убедиться, что это всего лишь пластиковые муляжи, мне все равно казалось, что я ощущаю запах смерти.

Из-за ширмы вдруг появился К. Меня поразила его неожиданно приятная внешность. Волнистые волосы, очки без оправы с толстыми стеклами, похожими на доньшки стаканов, мясистый подбородок... И к тому же от К. исходил родной, привычный мне запах химикатов...

Теперь была его очередь испытать беспокойство. Некоторое время он молчал, в замешательстве глядя то на мою визитную карточку, то на мое лицо.

– Итак, вы... – К. замолчал, снова бросил взгляд на мою визитную карточку и голосом, уже совсем другим, нежели по телефону, сдержанно закончил: – Вы пришли ко мне как пациент?

Конечно же как пациент. Но каким бы превосходным ни было искусство К., я не смел питать ни малейшей надежды, что ему удастся выполнить мое желание. Единственное, на что я мог рассчитывать, – это на совет. С другой стороны, сказать об этом прямо, в лоб и обидеть собеседника тоже было бы невежливо. К., видимо, объяснил мое молчание робостью и продолжал участливо:

– Садитесь, пожалуйста... На что жалуетесь?

– Во время эксперимента произошел взрыв жидкого кислорода. Обычно мы использовали жидкий азот, поэтому по привычке я был не особенно осторожен...

– Келоидные рубцы?

– Как видите, по всему лицу. Наверно, я предрасположен к появлению келоидов. Мой врач решил отказаться от дальнейшего лечения, так как малейшая неосторожность может вызвать рецидив.

– Вокруг губ лицо как будто не пострадало?

Я снял темные очки и показал ему.

– Благодаря очкам глаза тоже уцелели. Мое счастье, что я близорук и ношу очки.

– Да, вам повезло! – И с жаром, будто это касалось его самого: – Ведь речь идет о глазах и губах... Если они теряют подвижность – очень плохо... Одной формой обмануть никого не удастся.

Вроде бы увлеченный своим делом человек. Пристально разглядывая мое лицо, он, казалось, в уме уже вырабатывал план. Чтобы не разочаровывать его, я поспешил переменить тему разговора:

– Мне попалась написанная вами работа. По-моему, летом прошлого года.

– Да, в прошлом году.

– Я был потрясен. Просто не мог представить себе, что достижимо такое искусство.

К. с видимым удовольствием взял из миски согнутый палец и, слегка перекачивая его на ладони, сказал:

– Знали бы вы, какая это кропотливая работа. Разве чем-нибудь отличается дактилограмма этого пальца от настоящего? Потому-то я и получил странное, на первый взгляд, распоряжение полиции – регистрировать все дактилограммы...

– Формой служит гипс?

– Нет, я использую вязкий кремний. Дело в том, что гипс не позволяет передать мельчайшие детали... А здесь, смотрите, даже заусенцы у основания ногтей и те ясно вырисовываются.

Я боязливо прикоснулся к муляжу кончиками пальцев – ощущение, точно потрогал что-то живое. И хотя я понимал, что это нечто искусственное, меня охватил какой-то суеверный страх, будто я прикоснулся к **смерти**.

– Все-таки мне это представляется кошмаром...

– И тем не менее все это – куски человеческого тела...

К. с гордым видом взял другой палец и поставил его вертикально на стол срезом вниз. Казалось, что мертвец, проткнув доску стола, высунул наружу палец.

– Попробуйте-ка сделать, чтобы он был вот таким, чуть грязноватым, это не так просто. Призываешь все свое мастерство, чтобы предельно точно воспроизвести тот или иной орган пациента, стараешься передать почти неуловимое, только ему присущее своеобразие... Это, например, средний палец, и поэтому внутренней стороне первой фаланги придан вот такой оттенок. Разве он не напоминает следы никотина?

– Наносили кисточкой или еще чем-нибудь?

– Отнюдь... – К. впервые громко рассмеялся. – Краска ведь сотрется моментально. Изнутри, слой за слоем, накладываются вещества разных цветов. Например, ногти – тут поливинилацетат... Если нужно – полоска грязи под ногтями... суставы и линии морщин... вены – здесь нужна легкая синева... Вот так-то.

– Чем же они отличаются от обыкновенных ремесленных поделок? Их ведь может изготовить кто угодно?..

– Это конечно. – И, почесывая колено: – Но в сравнении с изготовлением лица все эти вещицы – лишь первые неуверенные шаги. Лицо есть лицо... Во-первых, существует такая вещь, как выражение. Верно? Морщинка или бугорок в какую-то десятую долю миллиметра, оказавшись на лице, приобретают огромное значение.

– Но подвижность-то вы ему не можете придать?

– Вы хотите слишком многого. – К., расставив ноги, повернулся ко мне. – Я отдал все силы, чтобы создать внешний облик, а вот подвижность – до этого еще не дошло. Частично это компенсируется путем выбора наименее подвижных участков лица. И еще одно – существует такая проблема, как вентиляция. Возьмем, например, ваш случай. Без детального осмотра сделать окончательное заключение трудно, но, судя по тому, что я вижу, даже сквозь бинты у вас выделяется значительное количество пота... Наверно, потовые железы не затронуты и продолжают исправно функционировать. И поскольку они функционируют, закрыть лицо чем-то таким, что затрудняет вентиляцию, нельзя. Это не только вызовет нарушения физиологического характера, но и приведет к тому, что человек начнет задыхаться и больше чем полдня вряд ли выдержит. Тут нужна большая осторожность. Смешно, когда у старика зубы белые, как у ребенка. То же самое и здесь. Гораздо большего эффекта можно достичь исправлениями, незаметными для посторонних... Бинт вы можете снять сами?

– Могу... но, видите ли... – И, размышляя о том, как бы лучше объяснить ему, что я не тот пациент, каким ему показался: – По правде говоря, я не принял еще окончательного решения, и меня это очень мучит... И пока я не решил, стоит ли делать что-либо с рубцами на лице.

– Конечно стоит. – К., точно подбадривая меня, стал настойчивее. – Шрамы – особенно на лице – нельзя рассматривать лишь как проблему косметическую. Нужно признать, что эта проблема соприкасается с областью профилактики душевных заболеваний. В противном случае разве по доброй воле кто-нибудь стал бы отдавать свои силы подобной ереси? Я же уважаю себя как врач. И никогда не удовлетворился бы ролью ремесленника, изготавливающего муляжи.

– Да, да, понимаю.

– Ну вот, видите? – Он иронически скривил губы. – А ведь не кто иной, как вы, называли мои работы ремесленными поделками.

– Я говорил не в таком смысле.

– Ничего. – И наравоучительно, с видом понимающего все педагога: – Вы не единственный, кто в последнюю минуту начинает колебаться. Внутренний протест против изготовления лица – обычное явление. Пожалуй, начиная с позднего Средневековья... да и сейчас еще люди, находящиеся на низкой ступени развития, охотно меняют свои лица... Корни этого мне, к сожалению, неизвестны, поскольку я не специалист... Но статистически они выявляются достаточно точно... Если взять, например, ранения, то повреждений лица по сравнению с повреждениями конечностей больше примерно в полтора раза. А между тем восемьдесят процентов из всех, кто получил такие ранения, обращаются к врачам по поводу потери конечностей, главным образом пальцев. Ясно, что в отношении лица существует определенное табу. Примерно то же наблюдают и мои коллеги. И самое ужасное – к моей работе относятся как к работе высококвалифицированного косметолога, одержимого страстью наживы...

– Но нет ведь ничего удивительного в том, что содержание предпочитают внешней форме...

– Значит, предпочитают содержание, лишённое формы? Не верю. Я твердо убежден, что душа человека заключена в коже.

– Возможно, выражаясь фигурально...

– Почему фигурально?.. – И спокойным, но решительным тоном: – Душа человека – в коже. Я убежден в этом. Убедился на собственном опыте, приобретенном во время войны, когда я был в армии военным врачом. На войне отрывало руки и ноги, калечило лица – там это происходило изо дня в день. Но что, вы думаете, заботило раненых солдат больше всего? Не жизнь, не восстановление функций организма, нет. Прежде всего их беспокоило, сохранится их первоначальный облик или нет. Сначала я тоже смеялся над ними. Ведь все, о чем я говорю, происходило на войне, где ничто не имело цены, кроме количества звездочек в петлицах и здоровья... Но однажды произошел такой случай: один из солдат, у которого было сильно изуродовано лицо, хотя других явных повреждений и не было, перед самой выпиской из госпиталя неожиданно покончил с собой. До этого он был в состоянии шока... И вот с тех пор я стал внимательно изучать внешний вид раненых солдат... И наконец пришел к совершенно определенному выводу. К тому печальному выводу, что последствия серьезного ранения, особенно ранения лица, проявляются позже, словно переводная картинка, в форме душевной травмы...

– Да, такие случаи, видимо, бывают... Но, основываясь на том, что подобных примеров можно привести сколько угодно, нельзя, мне кажется, рассматривать это явление как общий закон, пока ему не будет найдено точное научное объяснение. – Во мне вдруг поднялось непреодолимое раздражение. Не затем же пришел я сюда, чтобы вести разговоры о том, что меня ждет. – Впрочем, я еще не разобрался как следует во всем этом... Простите, наговорил, наверно, всяких несуразностей. Совершенно бесцельно отнял у вас так много драгоценного времени, виноват...

– Подождите, подождите. – И самоуверенно, со смешком: – Может быть, вы воспримете это как принуждение, но я хочу сказать вам, и совершенно уверен, что прав... если вы все оставите так, как есть, вам придется всю жизнь прожить в бинтах. Они ведь и сейчас на вас. Это как раз и доказывает: вы сами считаете – лучше пусть бинты, чем то, что под ними. Сейчас в памяти окружающих ваше лицо остается таким, каким оно было до увечья... Но ведь время не ждет... да и память постепенно тускнеет... появляются все новые и новые люди, которые не знали вас в лицо... и в конце концов вас объявят несостоятельным должником за то, что вы не платите по векселю бинтов... и хотя вы останетесь в живых, общество похоронит вас.

– Ну это уж слишком! Что, собственно, вы хотите этим сказать?

– Людей, имеющих одинаковые увечья, если это касается повреждений рук или ног, можно встретить сколько угодно. Никого не удивит слепой или глухой... Но видели ли вы когда-нибудь человека без лица? Нет, наверное. Вы что же, думаете, все они испарились?

– Не знаю. Другие меня не интересуют!

Мой ответ прозвучал непреднамеренно грубо. Пришел в полицейский участок заявить о грабеже – а там, вместо того чтобы помочь, пристают с поучениями и на прощание предлагают купить замок понадежней. Но и мой собеседник не сложил оружия.

– К сожалению, вы меня, по-видимому, не совсем поняли. Лицо – это в конечном счете его выражение. А выражение... как бы это лучше сказать... В общем, это своего рода уравнение, выражающее отношения с другими людьми. Это тропинка, связывающая вас с ними. И если тропинку завалило камнями, то люди, даже пробравшись кое-как по ней, скорее всего, пройдут мимо вашего дома, приняв его за необитаемую развалюху.

– Ну и прекрасно. Мне и не нужно, чтобы попусту заходили.

– Значит, вы хотите сказать, что пойдете своей собственной дорогой?

– А что, нельзя?

– Даже ребенок не может игнорировать устоявшийся взгляд, согласно которому человек узнает, что он собой представляет, только посмотрев на себя глазами другого. Вам случалось когда-нибудь видеть выражение лица идиота или шизофреника? Если вовремя не расчистить засыпанную тропинку, то все в конце концов забудут, что она существовала.

Чтобы не оказаться окончательно загнанным в угол, я попытался возразить.

– Ну что ж, это верно. Предположим, выражение лица представляет собой именно то, что вы говорите. Но вы ведь сами себе противоречите. Почему за неимением лучшего, прикрывая какую-то часть лица, вы считаете, что восстанавливаете его выражение?

– Не беспокойтесь. Прошу вас довериться мне. Это уж по моей специальности. Во всяком случае, я убежден, что смогу дать вам нечто лучшее, чем бинты... Ну что ж, давайте снимем их? Мне бы хотелось сделать несколько фотоснимков. С их помощью методом исключения удастся последовательно отобрать важнейшие элементы, необходимые для восстановления выражения лица. А из них – наименее подвижные, легко фиксируемые...

– Простите... – Теперь у меня в мыслях было одно – бежать отсюда. Отбросив чувство собственного достоинства, я начал упрашивать: – Уступите мне лучше вот этот палец. Пожалуйста!

К. с удивленным видом потирал ладонью колено.

– Палец, вот этот палец?

– Если нельзя палец, я удовлетворюсь ухом или еще чем-нибудь...

– Но ведь вы пришли ко мне по поводу келоидных рубцов на лице.

– Ну что ж, прошу извинить. Нельзя так нельзя...

– Вы не поняли меня, простите... дело не в том, что я не могу продать... но, верите ли, цена непомерно высока... ведь для каждого из них приходится изготавливать отдельную форму... только расходы на материал достигают пяти-шести тысяч иен... по самым скромным подсчетам.

– Прекрасно.

– Не понимаю, что у вас на уме?

Он и не должен понимать... Наш разговор напоминал два рельса, проложенных без точного расчета и расходящихся в разные стороны. Я вынул бумажник и, отсчитывая деньги, без конца извинялся самым искренним образом.

Когда, крепко, будто нож, сжимая в кармане искусственный палец, я вышел на улицу, резкая граница между светом и тенью показалась мне неестественной, прочерченной рукой человека. Дети, игравшие в переулке в мяч, побледнели, увидев меня, и прижались к забору. У них были такие лица, точно их подвесили за уши, прихватив прищепками для белья. Сними я бинты, у них бы поджилки затряслись. А меня так и подмывало ворваться в этот ландшафт, точно сошедший с рекламной открытки. Но для меня, лишенного лица, было невыносимо отойти хоть на шаг от своих бинтов. Представляя себе, как бы я раскромсал этот пейзаж, размахивая искусственным пальцем, который лежал сейчас у меня в кармане, я с трудом переваривал отвратительные слова К. «похоронить себя заживо». Ничего, посмотрим. Если теперь мне удастся прикрыть лицо чем-то таким, что сделает его неотличимым от настоящего, то, каким бы бутафорским ни был ландшафт, он не сможет превратить меня в отверженного...

* * *

В ту ночь... поставив искусственный палец на стол, словно свечку, я, не смыкая глаз, думал об этой «подделке», более похожей на настоящий палец, чем настоящий.

Возможно, я воображал костюмированный бал из какой-то чудесной сказки, на котором я неожиданно появлюсь. Но даже в воображении я не мог не сделать маленького примечания: «сказка». Не символично ли это? Я уже писал, что выбрал этот план, не особенно задумываясь о последствиях, точно переправлялся через узенькую речушку. И уж конечно, у меня не было никакого окончательного решения. Может быть, из-за бессознательного стремления легко относиться к маске, успокаивая себя тем, что потеря лица еще не означает потери чего-то весьма существенного? Поэтому проблему составляет в некотором роде не сама маска – само-довлеющее значение приобретает смысл вызова, который она бросает лицу, авторитету лица.

Если бы, столкнувшись с разрушенным Бахом, с твоим отказом, я не был доведен до такого затравленного состояния, то, может быть, посмотрел бы на все более спокойно и даже нашел бы в себе силы подшучивать над своим лицом.

А пока черный мрак, как тушь в стакане воды, разливался в моем сердце. Лицо – тропинка между людьми, такова точка зрения К. Как мне сейчас представляется, если К. и произвел на меня неблагоприятное впечатление, то не из-за самодовольства или стремления навязать свое лечение, а из-за этой идеи. Согласиться с ним – значило признать, что, потеряв лицо, я навечно замурован в одиночной камере, и, следовательно, маска приобретает уже весьма глубокий смысл. Мой план превращался в попытку бежать из тюрьмы, попытку, где на карту было поставлено существование человека. Значит, мое нынешнее положение становится безнадежным и, следовательно, подходящим для подобного плана. По-настоящему угрожающая обстановка – это обстановка, воспринимаемая тобой как угрожающая. При всем желании трудно было согласиться с такой точкой зрения.

Я сам признаю, что не кто иной, как я, нуждаюсь в тропинке, которая связывала бы меня с людьми. И как раз поэтому продолжаю писать тебе эти строки. Но разве лицо – единственная тропинка? Не верится. Моя диссертация, посвященная реологии,² получила поддержку среди людей, которые ни разу не видели моего лица. Конечно, устанавливать связь с людьми можно не только с помощью научных трудов. От тебя, например, я хочу совсем другого. То, что называют душой, сердцем, не имеет четких очертаний, но представляет собой куда более осязаемый символ человеческих отношений. Эти отношения значительно сложнее, чем отношения между животными, которым, для того чтобы обозначить себя, достаточно запаха, и потому наиболее приемлемый и распространенный путь установления отношений между людьми – выражение лица. По-видимому, так же, как денежная система обмена является шагом вперед по сравнению с натуральной. Но в конечном итоге и деньги не более чем средство, и вряд ли можно утверждать, что они всемогущи при любых обстоятельствах. В одних случаях маленькая почтовая марка и телеграфный перевод, в других – драгоценные камни и благородные металлы гораздо удобнее денег.

Не предвзятое ли это мнение, объяснимое привычкой считать, что душа и сердце нечто идентичное и связь с ними может быть установлена только с помощью лица? Ведь совсем не редки случаи, когда дорога к тесному единству сердец – не бесконечное взаимное лицезрение, а четверостишие, книга, грампластинка. Если считать, что лицо совершенно необходимо, тогда, скажем, слепые лишены возможности судить о человеке. Разве я не прав? Меня беспокоит скорее другое – не приведет ли склонность легкомысленно опираться на привычное представление о лице к обратным результатам – к сужению, к формальному восприятию связей между людьми. Прекрасным примером может служить известное всем идиотское предубеждение против цвета кожи. Поручать несовершенному лицу, функции которого ограничены тем, чтобы можно было различить черного от белого и желтого, поручать ему великую миссию быть тропинкой к душе – это-то и означает пренебрегать душой.

Постскрипtum. Прочитал написанное и увидел, что, отвергая всякую связь с лицом, я прибег к довольно откровенной уловке. Ну, к примеру, тот неопровержимый факт, что впервые я обратил на тебя внимание прежде всего благодаря твоему лицу. И теперь тоже, когда я думаю о том расстоянии, которое нас разделяет, меркой служит не что иное, как моя неспособность увидеть выражение твоего лица. Да, видимо, с самого начала мне следовало сделать попытку поменяться с тобой местами и откровенно представить себе, что бы случилось, если бы лица лишилась ты. Недооценка лица, так же как и его переоценка, всегда несет в себе элемент искусственности. Взять хотя бы ту историю с париком моей сестры. Я привел ее, наверно, для того, чтобы объяснить свое желание не придавать слишком большого значения лицу. Но,

---

² Реология – наука о деформациях и текучести вещества.

если вдуматься, она вряд ли подходит для данного случая. Может быть, это был просто интерес и в то же время отвращение ко всему искусственному, что часто наблюдается у подростков, и история эта скорее говорит о том, что я придавал лицу слишком большое значение. А может быть, я просто ревновал сестру, которая намеревалась распахнуть створки своего лица перед кем-то чужим.

И еще одно. Как-то мне довелось в газете или журнале прочесть статью, где, как ни странно, доказывалось, что корейцы с примесью японской крови делают себе пластическую операцию, чтобы быть больше похожими на корейцев. Это уж явное стремление к реабилитации лица, а ведь о них при всем желании не скажешь, что они подвержены предрассудкам. В общем, я так и не сумел разобраться в самых простых вещах. И если представится случай, мне бы обязательно хотелось спросить корейца, какой совет дал бы он мне, лишившемуся лица.

В конце концов я... я устал от разговора с самим собой о лице, разговора, который ни на шаг не приблизил меня к решению вопроса. Но в то же время не было и особой причины отказываться от моего плана... и я весь ушел в рассмотрение технической стороны проблемы.

С технической точки зрения искусственный палец тоже представлял значительный интерес. Чем больше я присматривался к нему, тем больше поражаюсь мастерству, с которым он был сделан. Он рассказывал об очень многом, словно обыкновенный живой палец. Судя по тому, как натянута кожа, он мог бы, пожалуй, принадлежать тридцатилетнему. Прямой ноготь... впадины с боков... глубокие складки на суставах... четыре маленьких пореза в ряд, похожих на жабры акулы... человек, бесспорно занимавшийся легким физическим трудом.

...В чем же тогда его уродство?.. Уродство!.. Какое-то особое уродство – он ни живой, ни мертвый! Нет, видимо, не потому, что в чем-то он отличается от настоящего. А может быть, воспроизведение слишком скрупулезно (значит, и моя маска тоже)?.. Значит, именно слишком большая приверженность форме приводит к противоположному результату – к отходу от реального. Можно придавать большое значение лицу, но лишь после того, как увидишь его уродство!

Да, утверждение, что слишком похожая копия недостоверна, совершенно справедливо. Но разве мыслимо воссоздать в своей памяти палец, лишенный формы? Змея, лишенная длины, котелок, лишенный объема, треугольник, лишенный углов... нет, такое не встретишь, пока не полетишь к далеким звездам, где подобное существует. Иначе лицо без выражения не было бы чем-то необычным. И то, что мы когда-то называли лицом, уже не было бы лицом. В этом смысле и маска имеет право на существование.

Тогда, может быть, проблема состоит в подвижности? Ведь «форму», не способную двигаться, странно называть формой. Вот хотя бы этот палец – он выглядел бы значительно лучше, если бы обладал подвижностью. В подтверждение я взял палец и подвигал им. Действительно, он казался намного естественнее, чем когда стоял на столе. Об этом, значит, беспокоиться нечего. Таким образом, с самого начала я твердо решил, что маска должна быть **подвижной**.

Но оставалось еще нечто такое, что не удовлетворяло. В пальце было что-то отталкивающее. Я стал сравнивать его со своим пальцем, сконцентрировав все внимание, пристально всматриваясь. Да, разница есть... если это не из-за того, что он отрезан и неподвижен, то... может быть, ощущение вещественности кожи? Возможно, нечто присущее только живой коже, что не может быть имитировано лишь цветом и формой?

Заметки на полях I. Об ощущении вещественности эпидермы.

Эпидерма человека, как я представляю, предохраняется прозрачным слоем, лишенным пигмента. Следовательно, ощущение вещественности эпидермы – это, возможно, ложный эффект, вызываемый лучами, отраженными поверхностью эпидермы, и лучами, частично проникшими внутрь и вторично отраженными слоем эпидермы, содержащим пигмент. В случае же с этой моделью пальца подобный эффект не наблюдается, поскольку слой, имитирующий пигментную окраску, выходит непосредственно наружу.

О прозрачном слое эпидермы и о ее оптических свойствах нужно будет расспросить специалистов.

Заметки на полях II. Проблемы, которые нужно изучить в первую очередь:

Проблема изнашиваемости.

Проблема упругости и эластичности.

Средство фиксации.

Способ соединения края маски с лицом.

Проблема вентиляции.

Выбор прототипа и создание модели.

Мне кажется, чем добросовестнее и обстоятельнее я веду свои записки, тем большую скуку нагоняю на тебя, и ты, видимо, уже перестала следить за рассказом. Но я все же хочу, чтобы ты, отвлекшись от моего внутреннего состояния, почувствовала хотя бы ту атмосферу, в которой родилась маска, созданная мной в полном одиночестве.

Прежде всего, если говорить о прозрачном слое эпидермы, то он представляет собой кератин, содержащий небольшое количество флюоресцирующих элементов. Теперь о способе соединения: если добиться, чтобы толщина краев маски была по возможности меньше глубины мельчайших морщин и потом наложить на место соединения искусственную бороду, то выйти из положения вполне удастся. Далее, проблема эластичности, которая представлялась мне наименее сложной, – она тоже была вполне разрешима, если рассматривать механизм мимики биологически.

Основой выражения лица является, безусловно, мимическая мускулатура. Она зафиксирована в определенном направлении, в котором растягивается и сокращается. Помимо этого, существует еще кожная ткань, также имеющая определенное направление волокон, и эти волокна перекрещиваются почти перпендикулярно. Из медицинской книги, взятой мной в библиотеке, я узнал, что подобное расположение волокон называется «линиями Лангера». Соединением двух этих направлений создаются характерные морщины, характерные очертания. Следовательно, если хочешь придать маске живую подвижность, нужно пучки волокон соединять в соответствии с «линиями Лангера». К счастью, некоторые виды пластмасс, если их вытягивать в определенном направлении, обнаруживают большую эластичность. Если не пожалеть времени и труда, и эту проблему можно считать разрешенной.

Я тут же решил использовать свою лабораторию и начать опыты на растяжимость эпителиальных клеток. И в данном случае мои коллеги проявили трогательную деликатность. Почти не привлекая ничьего внимания, я мог широко пользоваться необходимым мне оборудованием.

Только в отношении «выбора прототипа и создания модели» мне не хотелось ограничиваться лишь техническими средствами. Дело в том, что, если я хотел воспроизвести мельчайшие детали кожи, я должен был волей-неволей взять чье-то чужое лицо. Только таким мог быть для меня прототип, то есть изначальный вид. Взять у другого не означало, конечно, просто нацепить на себя чужое лицо, поскольку речь шла только о поверхности кожи на глубину сальных и потовых желез и о ее видоизменении в соответствии со строением моего лица. С самого начала не должно быть ни малейших опасений, что я собирался нарушить авторское право чужого лица.

Однако в таком случае... возникал весьма серьезный вопрос... не станет ли тогда маска моим прежним лицом в совершенно не измененном виде? Любой опытный ремесленник вылепит по черепу лицо и воспроизведет внешний его вид точно таким, каким он был при жизни. Если это соответствует действительности, значит внешний вид определяет в конечном итоге находящийся под кожей костяк, и, значит, нужно либо стесать кости, либо игнорировать анатомические основы выражения лица (но тогда нельзя называть это выражением лица) – других способов уйти от лица, с которым родился, нет.

Эти мысли привели меня в замешательство. Выходило, что, с каким бы искусством ни была сделана маска, я надевал маску самого себя и ни о какой маске в полном смысле этого слова не могло быть и речи.

К счастью, я вспомнил о своем школьном товарище, который стал специалистом в области палеонтологии. В работу палеонтолога входит, как известно, восстановление первоначального облика по окаменелостям, найденным при раскопках. Полистав адресную книгу, я узнал, что он продолжает работать в университете. Я собирался ограничиться телефонным разговором, но, может быть, потому, что после окончания школы прошло так много времени, или потому, что те, кто занимается палеонтологией, проникаются человеколюбием, он совершенно непринужденно предложил где-нибудь встретиться и не захотел продолжать разговор по телефону. В конце концов я согласился. Я не отказался из протеста против чувства стыда, которое испытывал, ни на минуту не забывая о своем забинтованном лице. Но тут же меня обожгло жестокое раскаяние. Ну что за дурацкая гордыня! Одни мои бинты и те возбуждают его любопытство, а тут еще этот забинтованный человек начинает дотошно выспрашивать об анатомии лица, технике восстановления первоначального облика, что не является его специальностью. Он, пожалуй, подумает, не жулик ли перед ним, который, надев маску, хочет спокойно разгуливать по городу среди бела дня. Если у него действительно возникнут подобные подозрения, то лучше бы с самого начала отказаться от встречи. К тому же я ненавидел улицу. В любом смущенном или даже безразличном взгляде – не коснись он меня, я бы и не почувствовал – скрывались ржавые, отравленные иглы. Улица изматывает меня. Однако момент, когда я мог взять свои слова назад, был упущен. Сгорая со стыда, я поплелся в условленное место. Ничего другого не оставалось.

Кафе, где мы договорились встретиться, находилось на углу хорошо знакомой мне улицы, поэтому я смог добраться туда, не привлекая ничьего внимания и безошибочно остановив такси у самых его дверей. Зато товарищ мой смутился так, что теперь уж мне захотелось ему посочувствовать. И может быть, потому, что я увидел его смущение, ко мне вернулось злое хладнокровие. Нет, хладнокровие не то слово. Мне хочется, чтобы ты представила себе – это совсем не трудно, – как я был жалок, точно бездомная собака, как чувствовал, что само мое существование вызывает отвращение окружающих. Я испытывал отчаянное одиночество, какое можно увидеть в глазах старой подыхающей собаки, безысходность, которая слышится в разносимо рельсами звоне, когда глубокой ночью ремонтируют пути. Я весь был скован, понимая, что, какое бы выражение ни пытался я придать своему лицу, спрятанному под бинтами и темными очками, оно не дойдет до моего собеседника.

– Что, испугался? – И, почувствовав его душевное состояние, уже другим, успокаивающим, как ночной ветерок, голосом: – Опрокинул на себя баллон с жидким кислородом. Видимо, у меня предрасположение к образованию келоидных рубцов... Да, в общем, паршиво... Все лицо изрыто, точно пиявками. Бинты тоже не выход, но лучше, чем выставять его на всеобщее обозрение...

Мой собеседник что-то пролепетал с растерянным видом, но я ничего не расслышал. Его предложение, встретившись, завернуть куда-нибудь выпить вина, несколько раз повторенное бодрим голосом каких-то полчаса назад, сейчас, казалось, рыбьей костью застряло у него в горле. Но раздражать его не входило в мои планы, и поэтому я быстро переменял тему разговора и перешел к делу. Товарищ мой, конечно, тут же прыгнул в эту спасательную лодку. Объяснения его сводились в основном к следующему. Было бы большим преувеличением сказать, что палеонтолог в состоянии до мельчайших подробностей воссоздать первоначальный облик. Общее расположение мышц – вот что он может достаточно точно представить себе, исходя из анатомического строения скелета. Поэтому, например, если попытаться по скелету реконструировать хотя бы только строение такого животного, как кит, имеющего особенно разви-

тые подкожные образования и жировой слой, получится невообразимое, ни на что не похожее существо, некая помесь собаки с тюленем.

– Значит, можно представить себе, что и при восстановлении лица неизбежны существенные ошибки?

– Если бы безошибочное восстановление первоначального облика было возможным, загадки многих окаменелостей перестали бы существовать. Лицо человека, хотя до кита ему и далеко, вещь достаточно деликатная. Здесь невозможна подделка, как, например, в фотомонтаже. Ведь если бы нельзя было полностью отойти от строения черепа, то прежде всего не были бы возможны пластические операции косметического характера...

Тут он скользнул взглядом по моим бинтам, как-то неловко запнулся и прикусил язык. Можно было не спрашивать, что мешает ему продолжать. Пусть думает, что хочет. Не интересовало меня это потому, что он, не пряча неловкости и даже не пытаясь как-то оправдаться, сидел насупившийся, красный.

Постскриптум. В чем истинная сущность чувства стыда? Здесь, может быть, стоит еще раз вспомнить тот случай с сожженным париком. Сейчас все было как раз наоборот: теперь я ношу «парик» и сам же заставляю собеседника краснеть. Но стоит ли принимать это так близко к сердцу? А вдруг как раз тут и спрятан удивительный ключ для разрешения загадки лица?

Какой он, однако, неловкий. Я нарочно выбрал совершенно безобидную, нейтральную тему и ничем уже не мог помочь, когда он сам забрел куда не следует и покраснел. Поскольку я в основном выведal все самое необходимое для моего плана, то не моя забота, какой осадок останется у него от нашей встречи. Но то, что вызывает чувство стыда, часто становится источником сплетни. А я терпеть не могу, когда рассказывают о чем-нибудь с таким видом, будто сообщают о подсмотренном через замочную скважину. Кроме того, скованность моего собеседника постепенно стала заражать и меня. И в конце концов, чувствуя отвращение к самому себе, я стал ни с того ни с сего оправдываться, а этого уж совсем не следовало делать.

– О чем ты думаешь сейчас, я, в общем, представляю себе. Ведь если попытаться найти связь между вот этими бинтами и моими вопросами, то можно прекрасно все сообразить. Но предупреждаю, ты глубоко ошибаешься. Я уже не в том возрасте, когда страдают из-за изуродованного лица...

– Сам ты ошибаешься. Нечего приписывать мне мысли, которых у меня нет.

– Если ошибаюсь – прекрасно. Но, видимо, ты произвольно судишь о людях по лицу. Правда? Совершенно естественно, что ты принял мои дела так близко к сердцу. Но если вдуматься, удостоверения личности далеко не достаточно, чтобы удостоверить человека. После того, что произошло со мной, мне пришлось многое передумать. Не слишком ли мы привержены этим удостоверениям личности? Потому-то и появляются все время калек, занимающиеся фальсификациями и подделками, чтобы скрыть свое уродство.

– Согласен, полностью... Фальсификации и подделки ни к чему, совершенно... Говорят, среди слишком ярко накрашенных женщин много истеричек...

– Но, с другой стороны, разве можно представить себе лицо человека гладким, как яйцо, – без глаз, без носа, без рта?..

– Да, тогда никого нельзя будет отличить.

– Вора от полицейского... Преступника от пострадавшего...

– Да, и свою жену от жены ближнего своего... – Точно ища спасения, он закурил и тихо засмеялся. – Это было бы здорово. Здорово, но возникают кое-какие вопросы. Вот, кстати, станет жизнь от этого более удобной или, наоборот, неудобной?..

Я засмеялся вместе с ним и решил, что на этом разговор нужно кончать. Но меня вдруг захватил круговорот, в центре которого было лицо, и тут уж тормоза оказались бессильны.

Пока центробежная сила не вырвала из моих рук веревку, я, прекрасно сознавая опасность, продолжал стремительно мчаться вперед. И ничего не мог поделать с собой.

– Ни то ни другое. На такой вопрос однозначный ответ немыслим даже логически. Коль скоро противоречия отпадут, станет невозможным и сравнение.

– Если отпадут противоречия, это будет означать деградацию.

– А что, тебе они очень необходимы? Разве можно утверждать, что, например, различия в цвете кожи принесли человечеству какую-либо пользу? Я абсолютно не признаю значения такого рода противоречий.

– О-о, ты, я вижу, начал обсуждать национальный вопрос. Но толкуешь его слишком широко.

– Будь это возможно, я расширил бы его еще больше. До каждого отдельного лица, существующего в этом мире... Только с такой вот физиономией чем больше говоришь, тем больше это похоже на монотонную песню преступника, доказывающего свою невиновность.

– Если ты разрешишь коснуться только национального вопроса... Может, это зря – всю ответственность возлагать лишь на лицо...

– А я хочу вот что спросить. Почему, когда мы начинаем фантазировать о жителях других миров, то прежде всего пытаемся представить себе их внешний вид?

– Этот разговор нас далеко заведет... – И, сминая в пепельнице сигарету, которой затянулся всего раза три: – Чтобы закончить его, объясним это хотя бы любопытством.

Я до боли остро ощутил неожиданно изменившийся тон собеседника, и мое фальшивое лицо покатилося с того места, где оно должно было быть, как падает тарелка, которую жонглер перестает вращать.

– Постой, посмотри на ту картину. – Я снова ничему не научился. И, указывая пальцем на довольно приличную репродукцию портрета эпохи Возрождения: – Что ты о ней скажешь?

– Ты, вижу, готов укусить меня, если я отвечу необдуманно. В общем, довольно глупое лицо.

– Да, верно, пожалуй. А нимб над головой? В этом ведь тоже есть определенная идея. Идея лжи и обмана. Благодаря этой идее лицо погрязло во лжи...

На лице моего собеседника появилась легкая улыбка. Тонкая, все понимающая улыбка, лишенная уже и тени смущения.

– Ну что я за человек. Какие бы высокие слова ты ни употреблял, пока я сам не пойму что к чему, ничего не в состоянии почувствовать. Может быть, мы просто не находим общего языка? Я занимаюсь ископаемыми, но, когда речь идет об искусстве, тут я модернист.

* * *

Жаловаться бессмысленно. Лучше побыстрее осознать то, что я услышал от товарища. Ждать более весомых результатов означало только обольщать себя. Ведь, помимо всего прочего, я получил нужную информацию, а преодолеть унижение, собственно, тоже было моей целью, входило в задуманный план.

Но я до глубины души возненавидел палеонтологию, лишь когда понял: то, что я считал добычей и приволок домой, на самом деле несъедобная приманка. Нет, она была похожа на настоящую пищу, но, к сожалению, никто не знал способа ее приготовления, – раздражили, а есть невозможно.

Признание закономерности множества вариантов при восстановлении облика по одному и тому же скелету было еще одним шагом на пути к возможности создания маски. Значит, независимо от основы можно выбирать любое лицо по своему усмотрению? Выбирать по своему вкусу приятно, но ведь выбирать-то все равно нужно. Необходимо просеять сквозь сито

бесчисленные возможности и решить, каким будет твое лицо. Какую избрать единицу измерения, взвешивая на весах лица?

Я не собирался придавать лицу особое, исключительное значение, а потому, по мне, какое лицо ни выберешь – все равно... Но когда лицо делают специально, никто не захочет, чтобы оно было отечным, как у сердечника. И уж конечно, не нужен в качестве модели киноактер.

Бессмысленно искать идеальное лицо. Да такого, в общем, и не существует. Но поскольку я должен был сделать выбор, необходим был какой-то эталон. Имей я даже самый неподходящий эталон, который, возможно, поставил бы меня в затруднительное положение, все равно это было бы уже что-то... Ни субъективно, ни объективно представить себе подобный эталон невозможно... Но в конце концов примерно через полгода блужданий я наконец нашел решение.

Заметки на полях. Было бы неверно сводить все к отсутствию эталона. Скорее, следовало принять в расчет мое внутреннее стремление отказаться от всякого эталона вообще. Выбрать эталон неизбежно означает уподобиться другому. Но человек имеет и противоположное желание – быть отличным от других. Две эти проблемы должны находиться в следующих отношениях:

$$\frac{A}{B} = f\left(\frac{1}{n}\right),$$

где А – показатель чужой воли, В – показатель сопротивления чужой воле, n – возраст, f – степень приспособляемости. (Ее снижение означает, что человек самоутверждается и одновременно растет его склонность к консерватизму. Она, как правило, обратно пропорциональна возрасту, но отмечаются значительные индивидуальные отклонения, кривая которых строится в зависимости от пола, характера, профессии и т. д.)

Даже исходя из возраста степень моей приспособляемости значительно снизилась, и я уже испытывал сильное сопротивление самой идее перемены лица. Нужно сказать, что к данному случаю вполне подходила точка зрения того самого палеонтолога, считавшего, что слишком ярко накрашенные женщины – истерички. Поскольку, согласно психоанализу, истерия представляет собой один из видов впадения в детство.

Все это время я, конечно, не сидел сложа руки. Эксперименты над материалом для гладкого эпителия... стоило погрузиться в них, и они стали прекрасным предлогом, чтобы отдалить мою очную ставку с проблемой. В общем, копились и копились горы технической работы.

Гладкий эпителий потребовал значительно больше времени, чем я предполагал. Он и в количественном отношении занимает значительное место в коже, а кроме того, определяет успех или неудачу в достижении ощущения вещественности подвижной кожи. Воспользовавшись деликатностью коллег по лаборатории, я по собственному усмотрению стал использовать оборудование и материалы, и все же эксперименты потребовали добрых три месяца. В то время меня не особенно беспокоило несколько комическое противоречие: я осуществлял план создания маски, не решив, каким будет лицо. Но нельзя до бесконечности укрываться от дождя под чужим навесом. Когда этот период окончится и работа начнет продвигаться вперед, я окажусь в тупике.

Для кератинового слоя эпидермы прекрасно подойдут акриловые смолы – это я обнаружил сразу же. Что касается внутренних слоев кожи, то, видимо, для них вполне можно использовать тот же материал, что и для эпителия, предварительно вспенив его. Жировой слой, безусловно, будет отвечать своим требованиям, если в тот же материал добавить раствор кремния

и, заключив в оболочку, сделать его воздухонепроницаемым. Наконец ко второй неделе нового года вся необходимая подготовка материала была завершена.

Дольше медлить было нельзя. Если не решишь, каким должно быть лицо, ни на шаг не продвинешься вперед. Но сколько я ни размышлял, в голове у меня беспорядочно, как в запаснике музея, громоздилось множество самых разных лиц. Однако проблему разрешить невозможно, если пятиться от нее назад. Другого способа, кроме как настойчиво перебирать лицо за лицом, не было, и я достал каталог музейных фондов. На первой же странице было помещено неожиданное любезное заглавие: «Правила систематизации», и я, сдерживая волнение, прочел:

1. Критерии оценки лица предельно объективны. Ни в коем случае не следует допускать такой ошибки: поддавшись личному впечатлению, приобрести подделку.

2. Лицо не имеет критериев оценки. Оно может лишь доставлять удовольствие или неудовольствие. Критерии отбора должны вырабатываться путем совершенствования вкуса.

Как я и ожидал, утверждают, что черное одновременно является и белым. Чем такой совет лучше никакого? Причем, когда я сравнивал два эти правила, казалось, что каждое из них одинаково справедливо, и поэтому положение запуталось еще больше. В конце концов мне стало не по себе от мысли, сколько существует на свете самых разных лиц. До сих пор не перестаю ломать голову, почему я не отказался раз и навсегда от своего плана?

* * *

Снова о портретной живописи. Палеонтолог, может быть, наградит меня кислой улыбкой, но я не могу не коснуться этого. В идее портрета, мне кажется, – я оставляю в стороне его художественную сторону – существует философия, над которой стоит задуматься.

Например, чтобы портрет воспроизводил универсальный образ, нужно исходить из универсальности выражения лица людей. Значит, необходимо, чтобы большинство людей были убеждены в том, что за одинаковым выражением обязательно должен проглядывать одинаковый образ. Подобное убеждение поддерживается, несомненно, опытом, уверенностью, что лицо и душа находятся в совершенно определенной взаимосвязи. Нет, конечно, никакой гарантии, что опыт всегда истина. Но вместе с тем невозможно и утверждать, что опыт – это обычно сгусток заблуждений. И не уместнее ли считать, что чем сильнее опыт захватан грязными руками, тем больший процент истины он, как правило, содержит. В этом смысле, в общем, представляется неоспоримым утверждение, что существует объективный критерий ценности.

С другой стороны, нельзя также игнорировать и тот факт, что все та же портретная живопись с веками меняла свой характер: перемещала точку зрения от классической гармонии лица и души к индивидуальному выражению, скорее лишенному этой гармонии, и дошла до окончательного разрушения в восьмиугольных лицах Пикассо или «Фальшивом лице» Клее.

Но во что же тогда верить? Если бы меня спросили, каково мое личное желание, я бы, разумеется, остановился на последней точке зрения. Я думаю, было бы слишком наивно вырабатывать для лица какие-то объективные критерии – это ведь не выставка собак. Даже я в детстве ассоциировал идеальную личность, какой бы я хотел стать, с определенным лицом.

Заметка на полях. Высокая сопротивляемость благодаря высокой степени приспособляемости.

Естественно, романтический, неординарный облик представал в моем воображении нечетким, словно покрытым матовым стеклом... Но я не должен был вечно пребывать в блаженном сне. Наличные деньги дороже любого векселя. Не оставалось ничего иного, как платить только за то, что я мог оплатить тем лицом, которым обладал на самом деле. Может быть, мужчины избегают косметики, стремясь не быть ответственными за свое лицо. (Конечно, жен-

щина... женская косметика... если вдуматься, не потому ли они прибегают к ней, что наличные деньги у них на исходе?..)

* * *

Итак, я не приходил ни к какому решению... испытывая что-то вроде недомогания, точно перед простудой... но все мои трудности были связаны только с моим будущим внешним обликом, и поэтому я продолжал биться в одиночку над техническими проблемами, касающимися других сторон изготовления маски.

После выбора материала нужно было подумать о формовке внутренней стороны маски. Хотя я и говорил, что мне предоставили все возможности, я не хотел заниматься этим на работе и решил перевезти все необходимое оборудование домой и установить его в кабинете. (А ты, кажется, подумала, что рвение, с каким я работаю, – это компенсация за раны на лице, и, прослезившись, пыталась помочь мне. Разумеется, это была компенсация, но рвение было не то, о котором ты думала. Я закрыл дверь кабинета, дошел до того, что запер ее на замок, отвергая даже твою доброту, когда ты пыталась приносить мне ужин.)

Работа, в которую я ушел с головой за закрытой дверью, заключалась вот в чем.

Прежде всего я приготовил таз такого размера, чтобы в него входило целиком все лицо, налил в него раствор альгинокислого калия, гипса, фосфата натрия и кремния и, ослабив мимическую мускулатуру, медленно погрузил туда лицо. Раствор застывает в течение трех-пяти минут. Столько времени не дышать я не мог и поэтому взял в рот тонкую резиновую трубку, а конец ее вывел за край таза. Представь, что тебе нужно в течение нескольких минут неподвижно, с застывшим выражением лица сидеть перед фотоаппаратом. Это невероятно трудно. После множества неудач – то чесался нос, то дергался глаз – на четвертый день я наконец добился удовлетворительного результата.

Теперь на очереди было покрытие полученной формы никелем в вакууме. Сделать это дома было невозможно; я тайком принес форму в лабораторию и, прячась от посторонних глаз, проделал всю необходимую работу.

Наконец остались последние доделки. В ту ночь, убедившись, что ты пошла спать, я поставил на переносную газовую плитку железную кастрюлю со свинцом и сурьмой. Расплавленная сурьма приняла цвет какао, в которое плеснули слишком много молока. Когда я стал осторожно вливать раствор в форму из альгинокислого калия, покрытую слоем никеля, вверх медленно поплыли струйки белого пара. Из отверстия, оставленного резиновой трубкой, через которую я дышал, а потом и отовсюду, вдоль края формы, обильно пошел голубоватый прозрачный дымок. Видимо, сгорала альгиновая кислота. Запах был отвратительный, и я открыл окно. Морозный январский ветер вцепился в ноздри ледяными когтями. Перевернув форму, я высвободил затвердевший слепок из сурьмы и остудил еще дымившуюся форму, погрузив ее в таз с водой. Со стола на мое кроваво-красное обиталище пиявок смотрели скопища пиявок, тускло поблескивающие серебром.

Но все же не верилось, что это мое лицо. Другое... Совсем другое... Я не мог представить себе, что это те самые пиявки, которые, благодаря зеркалу, знакомы мне до отвращения... Конечно, между слепком лица из сурьмы и моим отражением в зеркале, возможно из-за того, что в них левая и правая стороны поменялись местами, чувствовалась определенная разница. Однако такую же разницу можно сколько угодно наблюдать с помощью фотографии, и это не так уж важно.

Потом, как ты понимаешь, возникла проблема цвета. Из книги французского врача Анри Блана «Лицо», которую я нашел в библиотеке, следовало, что между цветом лица и его выражением существует связь, значительно более тесная, чем это можно предположить. Например, гипсовая посмертная маска только путем придания ей того или иного цвета может быть пре-

вращена и в маску мужчины, и в маску женщины. Это можно видеть и на таком примере: стоит сделать черно-белую фотографию мужчины, переодетого женщиной, и маскарад сразу же будет разгадан. Значит, все дело действительно в цвете. Чуть заметные утолщения на слепке из сурьмы – если не падает свет, их и не обнаружить... Совсем незначительные неровности – они не стоят, пожалуй, всех этих волнений с маской... На какое-то мгновение я даже подумал, не шарахаюсь ли я от призрака, не сражаюсь ли с врагом, созданным моим воображением. Но может быть, если даже эти сплетения металлических пиявок окрасить в кроваво-красный цвет мяса, то они моментально обнаружат свое уродство. Возможно, и так. Как жаль, что человек сделан не из металла.

Но коль скоро цвет так важен, при окончательной обработке маски нужно с особым вниманием отнестись к окрашиванию. Точно слепой, радующийся любому ощущению, я, нежно поглаживая хранящий еще остатки тепла слепок из сурьмы, остро ощутил, как тернист путь к изготовлению маски, когда завершение одной работы сразу же оборачивается началом новых трудностей. Действительно, я замыслил бросить дерзкий вызов. Исходя даже из объема проделанной работы и затраченного времени, я должен бы уйти очень далеко, но следовало помнить, что до сих пор я еще не брался за главное – выбор прототипа. К этому прибавилась новая трудность – цвет. Такие-то дела... Наступит ли мгновение, когда я смогу осуществить свою мечту – начать новую жизнь в образе другого человека?..

Были, конечно, не только огорчения. Мысленно блуждая между складками металлических пиявок, я думал о том, как нелепа роль, которую играет лицо: из-за утолщений в какие-то несколько миллиметров человек должен терпеть преследования, словно бездомная шелудивая собака, – и вдруг, точно с глаз спала пелена, я обнаружил уязвимое место у самого главного своего врага.

Эти металлические пиявки сами по себе могут существовать только в виде негатива для создания внутренней стороны маски. Другими словами – отрицательное существование, которое должно быть прикрыто и уничтожено с помощью маски. Но только ли это? Да, отрицательное существование, это несомненно. Но если не сделать его основой, не может существовать и маска, которая должна его уничтожить. Итак, металлическая основа – это цель, которую маска должна уничтожить, и в то же время – отправная точка для создания маски.

Представим себе проблему несколько конкретнее. Например, если говорить о глазах – их остается только использовать, не изменяя ни расположение, ни форму, ни величину. Но предположим, я осмелился и занялся ими, тогда должен ли я, определив в качестве границы расположение глаз, сделать выпуклым только лежащий над ней лоб или, наоборот, сделать выступающей только лежащую под ней часть лица, а если ни то ни другое – может быть, сделать выпученные глаза и сильно выдающееся вперед лицо? Возможны только эти варианты. То же можно сказать, когда дело идет о носе или рте. Тогда выбор типа лица уже не покажется таким неопределенным. Ограничение? Может быть, и ограничение. Но, по мне, это гораздо лучше, чем дешевая, эфемерная свобода. Во всяком случае, оно указывало мне цель, которую я должен достичь. И даже если я пойду кружным путем заблуждений и ошибок, сначала лучше всего попытаться по-настоящему смоделировать лицо и, подгоняя его к оригиналу, изучить, какой тип представляется возможным. Этот путь был для меня самым подходящим. (Не ученый, а всего только ремесленник – так отзываются обо мне коллеги, и, может быть, они отчасти правы.)

Прикладывая палец к разным частям металлической основы, прикрывая ее обеими руками, затеняя ее, я незаметно для себя предавался мечтам. Какая все-таки это тонкая штука... Достаточно тронуть пальцем – и вот уже другой человек, и даже не похожий на родного или двоюродного брата... Приложишь ладонь – совсем другой, незнакомый... С тех пор как я занялся изготовлением маски, пожалуй, впервые у меня было такое бодрое, рабочее настроение.

* * *

...Да, можно смело сказать: то, чего я достиг в ту ночь, было очень важной вершиной всей моей работы. Гора не была такой уж крутой, не была и величественно-высокой, но зато, кажется мне, представляла собой важную точку рельефа, определявшую направление вод, вытекающих из источника, и, в общем, достаточно выдающуюся, чтобы указать путь потоку. И это потому, что с того момента между проблемой критерия выбора лица и проблемой технического воплощения плана в жизнь, которые до сих пор шли как две параллельные линии, действительно пролегло нечто подобное чуть намеченному каналу. Слепок из сурьмы, хотя и не давал никаких перспектив в смысле метода изготовления маски, ободрил меня, вселил уверенность в том, что благодаря конкретной работе изо дня в день мои возможности будут все больше расширяться.

Я решил на следующее же утро купить глины и начать практиковаться в моделировании лица. Ясной цели у меня не было, и я шел к ней на ощупь. Сверяясь с анатомическим атласом мимической мускулатуры, я накладывал один на другой тонкие слои глины. Работа трагическая, напряженная, будто участвуешь во внутреннем процессе рождения человека, будто критерий выбора, который, в общем-то, и не ухватишь, начинает затвердевать, точно остывающий желатин, – с таким чувством я постепенно придавал форму податливому материалу. Есть гениальные детективы, которые находят преступника, сидя в кресле, а есть заурядные сыщики, которые, не жалея ног, гоняются за уликами. Я тоже больше всего люблю действовать, работать руками.

Как раз в это время я снова стал испытывать интерес к книге Анри Блана «Лицо», о которой уже упоминал. Когда она впервые попала мне на глаза, я принял содержащийся в ней анализ за скрупулезную классификацию, которую так любят ученые, и даже подумал с раздражением: ну что могут дать все эти рассуждения мне, человеку, занятому конкретным делом. Но когда я буквально на ощупь подошел к проблеме создания лица, то обнаружил наконец, что в Блановой теории форм содержится нечто большее, чем то, что можно обнаружить в обыкновенном справочнике. Такое случается, когда смотришь карту знакомой местности и карту чужой страны.

В общих чертах классификация Блана выглядит следующим образом. Сначала рисуется большая окружность, центром которой служит нос, а радиусом – расстояние от кончика носа до конца подбородка. Затем рисуется малая окружность, радиус которой – расстояние между носом и губами. В зависимости от соотношения этих окружностей лица подразделяются на два типа: с центром, смещенным вниз, и с центром, смещенным вверх. А они, в свою очередь, распадаются на худые и полные. Таким образом, всего существует четыре типа лица:

1. Центр смещен вниз, худое, – на лбу, щеках, подбородке мощные мускулистые выпуклости.
2. Центр смещен вниз, полное, – на лбу, щеках, подбородке мягкие жировые отложения.
3. Центр смещен вверх, худое, – заостренное к носу лицо.
4. Центр смещен вверх, полное, – лицо, мягко выдающееся вперед у носа.

Все типы лица ими, разумеется, не исчерпываются. Эти четыре ствола бесконечно разветвляются в зависимости от сочетания ряда взаимоисключающих важных элементов, подчеркивания определенных частей, затушевывания деталей. Но мне не было нужды вдаваться в тонкости. И поскольку я накладывал слой за слоем, начиная с нижнего, можно было не принимать всего этого в расчет. Главное – не забыть основного, а дальше пусть идет как идет.

Если рассмотреть приведенные выше четыре основных типа в свете психоморфологии, то получим следующее. Первые два – это тип людей интровертных, сосредоточенных на своем внутреннем мире, а два последних – экстравертных, сосредоточенных на том, что происходит вокруг них. Типы под нечетными номерами враждебны или, во всяком случае, сопротивляются

внешнему миру. Типы же под четными номерами, наоборот, имеют тенденцию примириться с ним или даже находиться в согласии. Путем сочетания двух этих видов классификации можно установить специфические особенности каждого типа.

Если же прибавить к методу классификации идею того же Блана о коэффициенте мимики, то проблема приобретет еще большую стройность. Коэффициент мимики – это количественное определение влияния, оказываемого на выражение лица каждой из расположенных по степени подвижности девятнадцати точек, выбранных из более чем тридцати мимических мускулов. Весьма интересен и метод, каким проводился подсчет. Последовательно сфотографировав примерно 12 000 случаев выражения радости и печали и методом проецирования разделив их на горизонтали, как топографическую карту, Блан определил среднюю величину подвижности каждой точки. Выводы, к которым он пришел, в общих чертах следующие. Плотность коэффициента мимики особенно высока в треугольнике, ограниченном кончиком носа и углами губ. Затем она постепенно уменьшается в такой последовательности: участок между ртом и скулами, участки под глазами и, наконец, у переносицы. Самым низким коэффициентом обладает лоб. Таким образом, мимическая функция концентрируется в нижней части лица, в первую очередь вокруг губ.

Все это объясняется распределением коэффициента мимики в зависимости от места. Но на него влияет, вносит свои коррективы также и характер подкожного слоя. Коэффициент снижается пропорционально его толщине. Вместе с тем нельзя, видимо, отождествлять незначительность коэффициента с отсутствием мимики. Даже при высокой плотности коэффициента может быть сколько угодно случаев отсутствия мимики, а при незначительном коэффициенте наблюдается богатство мимики. Следовательно, может быть отсутствие мимики и при высоком и при низком коэффициенте.

Постскриптум. Может быть, попробуем применить метод классификации Блана к нашим лицам? Сначала – к твоему. Если говорить, каково оно, то его следует, видимо, причислить к лицам с центром, смещенным вверх. Подкожная ткань имеет жировые отложения. Следовательно, оно приближается к четвертому типу: к носу лицо выдается слегка вперед. С точки зрения психоморфологии ты относишься к людям экстравертным, сосредоточенным на том, что происходит вокруг них, и находишься в согласии с окружающим. Коэффициент мимики сравнительно низок, и выражение твоего лица стабильно и мало подвержено колебаниям.

Ну как? Надеюсь, попал в самую точку, а? Ты, кажется, сама рассказывала, что в школе тебя прозвали Бодхисатвой. Когда я первый раз услышал это, то рассмеялся. Что же все-таки меня рассмешило? Если вдуматься, я, видимо, совершенно неверно представлял себе и бодхисатву, и тебя. Внешне, конечно, ты ни капельки не была на него похожа. Да если бы и захотела, не смогла бы стать такой же холодной и неприступной. Я бы сказал, что у тебя скорее темпераментное, чувственное лицо. Если же посмотреть на тебя изнутри, то, согласно классификации Блана, в тебе действительно есть черты бодхисатвы. Сосредоточенность на том, что происходит вокруг, согласие с внешним миром – все равно что быть живой резиновой стеной толщиной в метр. Беспредельно мягкая – она никогда не причинит боли. Чуть улыбающееся, с полузакрытыми глазами лицо, как у статуи Будды, – человек с таким лицом побеждает голыми руками. Издали это такая привлекательная, располагающая улыбка. Но по мере приближения она начинает расплываться в туман, заволакивающий глаза. Я от души хочу выразить свое восхищение человеком, который придумал тебе прозвище Бодхисатва.

...Тебе это кажется ехидством? Может быть, если кое-где и оказались колючки, виноват в этом только я, ты здесь совершенно ни при чем. Наверно, я отношусь к людям, болезненно воспринимающим доброту других.

Теперь мое лицо... да ладно... стоит ли говорить о лице, которое потеряно. Если бы мне представился случай, я бы предпочел послушать, как по теории Блана рассматривать лица людей племени саракаба, которые так

видоизменяют свои лица, что их невозможно подвести ни под один пункт классификации.

Как я и ожидал, руки привели меня к первым проблескам успеха, чего никак не могла добиться моя голова. В результате десятидневных предварительных опытов с каждым из четырех типов лица два из них я признал непригодными.

Сначала отпал четвертый тип. «Лицо, мягко выдающееся вперед у носа». Этот тип лица имеет жировые отложения вокруг участков с высоким коэффициентом мимики и поэтому обладает большей стабильностью. Оно трудно приспособляемо – будучи однажды сделано, требует точного следования своей форме. И я столкнулся бы со слишком серьезными трудностями, если бы мне пришлось с самого начала совершенно точно запланировать всю работу до конца. Потому-то я, хоть и с некоторым сожалением, все же решил отказаться от этого типа лица.

Постскрипtum к постскрипtumу. Тебе, может быть, показалось, что в предыдущем постскрипtumе я хотел еще что-то сказать. Но клянусь, никаких задних мыслей у меня не было. Ведь между моими основными записками и постскрипtumом – разрыв почти в три месяца...

Теперь первый тип лица с центром, смещенным вниз, при наличии «мощных мускульных выпуклостей на лбу, щеках и подбородке». С точки зрения психоморфологии такое лицо принадлежит человеку интровертному, сосредоточенному на своем внутреннем мире, противоречиво, страдает недостатком стабильности. Даже при самом пристрастном отношении нельзя было бы сказать, что это лицо ростовщика, ни разу не потерпевшего убытка. Но уж никак не маска обольстителя. Исходя лишь из внешнего впечатления, я без сожаления отбросил и этот тип.

Осталось еще два...

* * *

«На лбу, щеках и подбородке мягкие жировые отложения»... С точки зрения психоморфологии это лица людей интровертных, сосредоточенных на своем внутреннем мире, гармоничных или отличающихся интроспективностью при большом самообладании.

Лицо, «заостренное к носу»... С точки зрения психоморфологии – лица людей экстравертных, сосредоточенных на окружающем, негармоничных или волевых, склонных к действию.

* * *

Мне казалось, что передо мной развернулась вполне ясная картина. Выбирать из четырех или из двух – большая разница. Четыре – не просто два и два, в них содержится шесть комбинаций. Таким образом, я смог свести свою работу к одной шестой. Да к тому же два оставшихся типа представляли собой прямую противоположность друг другу: по ошибке принять один за другой было совершенно невозможно. Только путем экспериментального моделирования, что я и делаю, удастся узнать, какое лицо мне нужно.

На некоторое время я весь ушел в сравнительное изучение этих двух типов лица. Но так как у меня был лишь один слепок, служивший основой, я испытывал большое неудобство, когда каждый раз приходилось ломать одно и делать другое. Подумав, я купил поляроидную фотокамеру. Достаточно нажать на спуск, и в руках у тебя уже готовая проявленная фотография. Удобство состояло в том, что тут же, не теряя времени, можно было не только сравнивать фотографии, но и фиксировать шаг за шагом весь процесс создания маски.

Да, в те дни мое сердце пело, как цикада, почувствовавшая, что у нее выросли крылья. И мне даже в голову не приходило, что в любую минуту моя работа может зайти в тупик...

* * *

Южный ветер гнал по небу клубящиеся облака, невыключенное отопление дышало непереносимым жаром. Взглянул на календарь – уже вторая половина февраля. Я даже растерялся. Хотел ведь закончить все, пока стоят холода. Что касается передачи ощущения вещественности и подвижности моей маски, я уже мог действовать почти наверняка, а вот как быть с вентиляцией, я еще не знал. В общем, время года, когда истекаешь потом, ничего хорошего не предвещало. И закреплять маску в этих условиях трудно, возникнет, как я предполагал, целый ряд препятствий физиологического характера. Но я должен был еще сделать крюк в три месяца, прежде чем подошел к тому, с чего начал эти записки, – прежде чем нашел убежище в этом доме.

Почему все же я должен был пойти таким кружным путем? На первый взгляд работа шла вполне успешно. Я так напрактиковался, что мог мысленно представлять себе каждый из двух типов лиц, мог даже, увидев лицо, принадлежащее к тому или иному типу, тут же разложить его в своем воображении на основные элементы и начать вносить в них поправки. Что ж, материал был у меня в руках, и я мог выбрать то, что мне понравится. Но не выберешь ведь одно из двух, если не располагаешь определенным критерием. Нечего и пытаться выбрать красное или белое, если не знаешь, о чем идет речь – о цвете билета или цвете флага. Ох уж эти мне критерии, исчезающие во мгле! Неужели есть загадка, которую не разрешить простым хождением из угла в угол? Теперь критерий приобрел, конечно, совсем не тот смысл, что прежде. Но чем яснее становилось мое представление об объекте, тем больше я раздражался. В гармоничном типе есть прелесть гармонии, в негармоничном типе тоже есть своя прелесть. Решать вопрос с точки зрения ценности того или иного типа здесь совершенно невозможно. И чем больше я узнавал, тем больший интерес начинал испытывать к обоим этим типам. Оказавшись в безвыходном положении, отчаявшись, я много раз думал: не бросить ли мне кости? Но поскольку в лице заключен определенный метафизический смысл, решить вопрос так безответственно я не мог. Исходя из результатов даже тех исследований, которые я до сих пор провел, нельзя не признать, как это ни прискорбно, что внешний вид в той или иной мере связан с психологией и индивидуальными чертами.

Но стоило мне вспомнить изъеденные пиявками, исчербленные остатки своего лица, как я отметал всякую его значимость, и кончалось это тем, что меня била дрожь, как продрогшую до костей собаку. Да что же это такое – психология, индивидуальные черты? Разве, когда я работал в институте, такие вещи имели какое-нибудь значение? Какие бы ни были у человека индивидуальные черты, один плюс один всегда два. Есть совершенно особые случаи, когда мерилom человека является лицо, – например, актер, дипломат, работник отеля или ресторана, личный секретарь, жулик. Но если он не принадлежит ни к одной из этих категорий, то могут ли иметь индивидуальные черты большее значение, чем рисунок листьев?

Тогда я плюнул на все и решил подбросить монету. Но сколько ни подбрасывал, орел и решка выпадали поровну.

* * *

К счастью или к несчастью, оставалась еще работа, которую нужно было сделать до того, как принимать решение о типе лица. Работа такая: найти материал для поверхности кожного покрова лица, которую можно будет использовать при завершении маски. Мне не оставалось ничего иного, как купить его у незнакомого человека, с которым я никогда больше не увижусь.

Но характер этого предприятия был такой, что психологически его было очень трудно осуществить, и если бы я не оказался в безвыходном положении, то, несомненно, не смог бы заставить себя взяться за него. В этом смысле момент был исключительно подходящий.

Я, конечно, прекрасно знал, что в тот миг, как я закончу эту работу, мне неизбежно будет вручен ультиматум, но, как говорят, на яд действуют ядом – один яд уничтожает другой, – и тогда на какое-то время я мог обрести покой. Наступил март, и в первое же воскресенье я уложил в чемодан свои мудреные инструменты и решил с самого утра поехать наконец на электричке в город.

Электрички, идущие за город, были переполнены, те же, что шли к центру, – пока сравнительно пустые. И все же для меня было мучением через столько месяцев снова оказаться в толпе. Мне бы надо быть готовым ко всему, но я тем не менее стоял у двери, глядя наружу, не в силах заставить себя оглянуться и посмотреть, что делается в вагоне, и понимая, как комично я выгляжу, спрятавшись по уши в поднятый воротник пальто – хотя отопление работало так, что нечем было дышать, – не в силах шевельнуться, как насекомое, прикинувшееся мертвым. Как же смогу я тогда обратиться к незнакомому человеку? Каждый раз, когда вагон останавливался, я, вцепившись в ручку двери, должен был буквально бороться с малодушным желанием возвратиться домой.

В конце концов, чего мне бояться? Никто ни в чем меня не обвиняет, но все равно я весь сжался от стыда, точно и в самом деле совершил преступление. Если выражение лица столь незаменимо для идентификации личности, то можно ли утверждать, что немисливо установить личность человека, только услышав его голос по телефону? Можно ли сказать, что в темноте все люди боятся, подозревают друг друга, враждуют между собой? Чепуха. В конце концов, такая штука, как лицо, имеет глаза, рот, нос, уши, и, если функционируют они нормально, это больше чем достаточно! Лицо служит не для того, чтобы демонстрировать его окружающим, а только для самого себя! (Нечего принимать это близко к сердцу... Так брюзгливо оправдывалось мое второе «я»... Стеснялся я только без нужды нагонять на посторонних людей страх, показывая им лицо, лишённое выражения...) Но, по правде говоря, только ли в этом было дело? Темные очки, изготовленные по специальному заказу, были темнее обычных, и можно было совершенно не беспокоиться, что кто-нибудь почувствует на себе мой взгляд. И все же...

Поезд повернул, и та сторона вагона, где я стоял, оказалась обращенной к западу, в стекле двери отразилась семья с ребенком, позади меня. Мальчик лет пяти, который сидел между молодыми родителями, горячо что-то обсуждавшими, показывая пальцами на висевшую в вагоне рекламу (я потом прочитал: рекламировалась продажа ванн в рассрочку), округлившимися глазами неотрывно смотрел на меня из-под темно-синей матросской шапочки. Удивление, тревога, страх, неуверенность, понимание, недоверие, зачарованность и, наконец, все оттенки любопытства собрались в его глазах. Он был точно в трансе. Я начал терять самообладание. И родители тоже хороши – сидят и не пытаются даже одернуть его. Я резко повернул к ребенку лицо, и он, как я и ожидал, в страхе прижался к матери, а та, оттолкнув его локтем, начала бранить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.